

УДК 81'373:821.161.1

**КОНЦЕПТОСФЕРА «БОЛЕЗНЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО****В. М. Мирзоева, Н. Н. Толкачева**Тверской государственной медицинской университет
кафедра русского языка

Предметом настоящей статьи является лексико-семантический анализ концепта «Болезнь» в творчестве Ф. М. Достоевского. Определяется лексическое значение слова, его контекстуальные ассоциативные связи; описывается специфика авторской трактовки представленных лексических единиц в аспекте идейного и художественного замысла писателя.

Ключевые слова: *творчество Ф. М. Достоевского, концептосфера «болезнь», русская языковая картина мира, лексическое значение слова, частотность слова.*

Ф. М. Достоевский – признанный классик не только русской, но и мировой литературы. Без его творчества немислима русская литература XIX века. Достоевский был не только великим писателем, но и «великим больным». Принято считать, что он страдал одним из самых известных нервно-психических заболеваний – эпилепсией. Вероятно, с этим связан тот факт, что почти в каждом произведении писателя изображены герои, страдающие тем или иным заболеванием, и это не только герои-эпилептики. Одна из наиболее часто упоминаемых болезней в прозе Достоевского – чахотка, с точки зрения современной медицины, инфекционное заболевание, основными симптомами которого являются кашель с выделяемой мокротой, кровохарканье и истощение. Сейчас слово *чахотка* заменено на научное название *туберкулез* и в результате практически вышло из употребления. В словаре В. И. Даля находим следующее толкование слова *чахотка*: «Изнурительная, смертельная болезнь, обычно с порчею легких» [8, с. 568]. У Даля еще нет указания на устаревший или разговорный характер данного слова. В современном Словаре русского языка дается такое толкование: «Устаревшее название прогрессирующего истощения организма преимущественно при тяжелых формах туберкулеза легких» [21, с. 656]. Хотя лексемы *чахотка* и *туберкулез* воспринимаются обычно читателями как синонимы, словарные толкования свидетельствуют, что они весьма неравнозначны.

На проявление и тяжесть заболевания влияют «условия труда и быта, в которых находится больной. Эта связь заболевания с социальными условиями дала повод называть туберкулез социальной болезнью...» [2, с. 9]. Во времена Достоевского не существовало надежных методов борьбы с чахоткой, а без должного лечения болезнь протекала очень тяжело и являлась наиболее частой причиной смерти. К тому же в Санкт-Петербурге, с его сырым и промозглым климатом, смертность от чахотки в несколько раз превосходила смертность от других заболеваний. Сам Достоевский в письмах друзьям и в своих произведениях указывал на климат Санкт-Петербурга как наибольшим образом влияющий на самочувствие и здоровье человека, ср.: «Ночь была ужасная, ноябрьская, – мокрая, туманная, дождливая, снежливая, *чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками* всех

возможных родов и сортов – одним словом, *всеми дарами петербургского ноября*» [9, с. 138] (здесь и далее курсив везде наш. – В. М., Н. Т.), «Уж известно, что *зевота в Петербурге такая же болезнь, как грипп, как геморрой, как горячка*, болезнь, от которой еще долго не освободятся у нас никакими лечениями, ни даже петербургскими модными лечениями» [15, с. 21]. Город писатель рисовал через мрачные состояния погоды, атмосферу уныния и болезни. Смертельное заболевание не обошло стороной и семью самого Федора Михайловича: в сравнительно молодом возрасте мать писателя и его первая жена скончались от туберкулеза.

Достоевский был хорошо знаком с проявлениями чахотки – как внешними, так и внутренними; можно сказать, что это заболевание – некая «семантическая доминанта его размышлений» [4; 17, с. 163] о страданиях людских. Писатель упоминает болезнь почти во всех своих произведениях. Одна из самых трагических героинь романа «Преступление и наказание», Катерина Ивановна, болеет чахоткой. Оставшись вдовой с тремя детьми, она вынуждена была выйти замуж за невзрачного чиновника, вдовца с четырнадцатилетней дочерью Соней, который женится на Катерине Ивановне из жалости и сострадания. Автор реалистично описывает героиню романа, живущую в ужасных бытовых условиях, и в динамике показывает ее болезнь, приближающую смерть: «Это была *ужасно похудевшая женщина*, тонкая, довольно высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русскими волосами и действительно *с раскрасневшимися до пятен щеками*» [11, с. 22]; и далее: «Катерина Ивановна как будто *еще больше похудела* в эту неделю, и *красные пятна на щеках ее горели еще ярче, чем прежде*» [Там же, с. 138]; «Когда я... кхе! Когда я... кхе-кхе-кхе... о, треклятая жизнь! – вскрикнула она, *отхаркивая мокроту и схватившись за грудь*, – когда я... ах...» [Там же, с. 139]. Писатель упоминает все видимые признаки болезни, такие как болезненная худоба, желтовато-бледный цвет лица, жестокий кашель с мокротой, боли в груди и в более запущенных стадиях постоянное присутствие на щеках румянца.

Еще одним заметным персонажем Достоевского, болеющим чахоткой и обреченным на раннюю смерть, является Ипполит Терентьев, герой романа «Идиот». Ипполит – это молодой человек «лет семнадцати, может быть и восемнадцати, с умным, но *постоянно раздраженным выражением лица*, на котором болезнь положила ужасные следы. Он был *худ как скелет, бледно-желт*, глаза его сверкали, и *два красных пятна горели на щеках*. Он *беспрерывно кашлял*; каждое слово его, почти *каждое дыхание сопровождалось хрипом*» [12, с. 215].

Тяжелое и хроническое заболевание накладывает отпечаток не только на физиологию человека, но и на его психологию. Ярко эта особенность проявляется у больных чахоткой: «Психический комплекс туберкулезных больных характеризуется раздражительностью, частой сменой настроений (депрессия – эйфория), легкой внушаемостью, утомляемостью, вялостью, истощенностью, эгоцентризмом, мнительностью и т. д.» [2, с. 89]. Писатель не раз указывает на испорченный нрав больных чахоткой: «Конечно, мать ее была больна, в чахотке; *эта болезнь особенно развивает озлобление и всякого рода раздражения*» [10, с. 438], «Это была очень чахоточная чиновница, может быть и добрая, но, *как все чахоточные, чрезвычайно капризная*» [14, с. 226].

В художественном тексте «определенную эстетическую функцию» [18, с. 162] выполняют все языковые средства. В каждом произведении есть ключевые слова, связанные непосредственно с его содержанием. Анализируя лексику, используемую для описания физических страданий и болезни героев, можно утверждать, что она «представляет собой сложную лингвистическую модель, отражающую восприятие русской действительности» [5, с. 151].

В произведениях Достоевского весьма высока частотность слова *лихорадка*. Лихорадка – патологический процесс, являющийся постоянным симптомом всех острых инфекционных, воспалительных и хронических в период обострения заболеваний и характеризующийся временным повышением температуры тела, ознобом, чувством холода. В современной медицине лихорадка не считается заболеванием, несмотря на то что термин *лихорадка* может присутствовать в названиях некоторых болезней (например, *геморрагическая лихорадка Эбола*), но во времена Достоевского все состояния, сопровождающиеся повышением температуры тела, называли *лихорадкой*. На страницах произведений Достоевского слова *лихорадка*, *лихорадочный* и *лихорадочно* выступают в двух значениях. В основном значении *лихорадка* – как «болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом» [20, с. 190], – многократно встречается в текстах писателя: «Взял я его и положил на постель. Смотрю, и вправду худо: *голова горит, а самого трясет лихорадкой*» [9, с. 92]; аналогично *лихорадочный* («Такой, какой бывает при лихорадке» [20, с. 190]): «Весь этот вечер я была как убитая и *дрожала в лихорадочном ознобе*» [9, с. 178]. В приведенных контекстах *лихорадка* и *лихорадочный* актуализируют медицинский аспект, синонимически заменяют лексему *болезнь* и используются автором для описания внешних проявлений болезни. Помимо основного значения прилагательного *лихорадочный*, в произведениях писателя реализуется и переносное: «Связанный с внутренним волнением, нервный. || Такой, в котором проявляется нервное возбуждение, напряжение» [20, с. 190]. Употребленное не в патологическом смысле, данное слово оказывается общим определением психологического состояния в определенной жизненной ситуации, усиливающим самовыражение взволнованных или теряющих над собой контроль героев: «Виргинский был как-то *лихорадочно-весело настроен* и участвовал в танцах» [13, с. 29], «Она *лихорадочно ждала ответов* на несколько своих писем» [Там же, с. 36].

Синоним *лихорадки* – *горячка* [22, с. 508]. В Малом академическом словаре *горячка* фиксируется, во-первых, как устаревшее и просторечное именование болезни, во-вторых, как метафора страстного увлечения, возбуждения. *Горячка* в первом значении: «*Устар. и прост.* Болезнь, сопровождаемая высокой температурой, жаром; лихорадка» [19, с. 338]. Пометы «устаревшее» и «просторечное» свидетельствуют о низкой частотности слова в настоящее время. В Словаре Даля специально отмечается различие *лихорадки* и *горячки*: «Обычно лихорадкой зовут небольшую и недлительную горячку, а более перемежную, а горячкой – длительную и опасную, например нервную, желчную, гнилую и пр.» [7, с. 440]. Подтверждение этому находим в произведениях Достоевского: «Казалось, что он до сих пор *в горячке, и уж по крайней мере в лихорадке*» [12, с. 10]. Несмотря на то что писатель не предлагает подробных клинических картин заболеваний своих героев, читателям вся опасность горячки ясна: «После тревожного дня, проведенного в непрерывных фантазиях, в радостных грезах и слезах, *в ночь она заболела и наутро была уже в жару и в бреду. Открылась горячка. Через две недели она умерла*» [11, с. 415], «После возвращения в родительский дом она *три недели вылежала в горячке* и теперь *едва оправилась*» [10, с. 427].

Не менее частотным у Достоевского является лексема *удар*, используемая писателем в четвертом, медицинском значении: «Кровоизлияние в мозг или закупорка мозгового сосуда, сопровождающиеся внезапной потерей сознания, параличом; апоплексия» [21, с. 464]. В Большой медицинской энциклопедии, в статье, посвященной апоплексии, дается такое определение: «...оглушение (паралич тела или его отдельных частей), иначе апоплексический инсульт или удар; в обычном употреблении это слово обозначает внезапно наступающий паралич центральной нервной

системы, зависящий, главным образом, от острых расстройств кровообращения в ней...» [1, с. 154]. Известно, что обстоятельствами, ведущими к удару, являются сильное душевное возбуждение, физическое напряжение, алкогольное опьянение. Героями писателя, перенесшими удар или умершими от удара, чаще оказываются угнетенные личности, ведущие жалкий образ жизни, или люди, подверженные расстройствам психики или злоупотреблению алкоголем. Герой романа «Идиот», отставной генерал Иволгин, «высокого роста, лет пятидесяти пяти, или даже поболее, довольно тучный, с багрово-красным, мясным и обрюзглым лицом, обрамленным густыми седыми бакенбардами, в усах, с большими, довольно выпученными глазами... Вблизи от него немного пахло водкой...» [12, с. 80], умер после перенесенных апоплексических ударов, ср.: «Коля вырвался, схватил сам генерала за плечи и как помешанный смотрел на него. *Старик побагровел, губы его посинели, мелкие судороги пробежали еще по лицу.* Вдруг он склонился и начал тихо падать на руку Коли. – *Удар!* – Вскричал тот на всю улицу, догадавшись наконец, в чем дело» [Там же, с. 420], «Коля в это время хоронил своего отца; *старик умер от второго удара, дней восемь спустя после первого*» [Там же, с. 485]. Достоевский употреблял слово *удар* не только по отношению к апоплексическому удару (инсульту), но и к любому заболеванию, внезапно случавшемуся с человеком и сопровождавшемуся потерей сознания. В произведениях Достоевского лексема *удар* реализуется и в переносном значении: «Какое-либо несчастье, неожиданная неприятность, жизненная невзгода, вызывающие сильное душевное потрясение у кого-либо или ведущие к очень дурным последствиям для кого-либо, чего-либо» [21, с. 463], например: «Вот эти-то удары неожиданные и потрясают меня! Вот такие-то бедствия страшные и убивают дух мой!» [9, с. 73]. Как видим, существительное *удар*, выступая как идиоглосса, «носит регулярный характер» [6, с. 157], при изображении внезапных и тяжелых проявлений болезни «является ядерным» [Там же] в контексте.

Таким образом, рассмотренные выше лексемы в рамках концептосферы «Болезнь» «обладают широким смысловым диапазоном и обозначают как физическое, так и эмоциональное состояние героев» [23, с. 309], что характерно и для других русских классиков (ср., например, у Чехова [3], у Льва Толстого [23]). Употребление Достоевским слов с семантикой болезни как для описания патологических состояний и внешних проявлений болезни, так и для изображения общей нервозности и преувеличенности чувств героев оправданно, так как они органически связаны с идейным и художественным замыслами писателя и реализуют те смыслы, которые зафиксированы в словарях и репрезентируют концепт «Болезнь» в русской языковой картине мира, позволяют «описать специфику авторского понимания этого важного культурного концепта в общем контексте русской литературы» [16, с. 162].

Список литературы

1. Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Н. А. Семашко : в 35 т. Т. 2 : Ансель – Барагноз. М. : Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1928. 795 с.
2. Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Н. А. Семашко : в 35 т. Т. 33 : Туберкулез – Фоликулен. М. : Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. 800 с.
3. Волков В. В., Волкова Н. В. Рассказ А. П. Чехова «Архиерей» в контексте русской литературной танатологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2 (42). С. 51–54.
4. Волков В. В., Волкова Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.

5. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Типы дискурса в повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонские рассказы» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 146–152.
6. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Опыт семантического описания идиоглосс при составлении словаря языка писателя // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 155–161.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1 : А–З. М. : РИПОЛ-классик, 2006. 752 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 : Р–Я. М. : РИПОЛ-классик, 2006. 672 с.
9. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Л. : Наука, 1972. 520 с.
10. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. : в 30 т. Т. 3. Л. : Наука, 1972. 544 с.
11. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. : в 30 т. Т. 6. Л. : Наука, 1973. 424 с.
12. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. : в 30 т. Т. 8. Л. : Наука, 1973. 512 с.
13. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. : в 30 т. Т. 10. Л. : Наука, 1974. 520 с.
14. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. : в 30 т. Т. 13. Л. : Наука, 1975. 453 с.
15. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. : в 30 т. Т. 18. Л. : Наука, 1978. 372 с.
16. Ерохин В. Н., Алексеева Я. В., Дударева А. А. Лексикографическое описание слова *ад* в «Словаре языка М. Е. Салтыкова-Щедрина». Предварительные замечания к зоне комментария // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 159–163.
17. Ерохин В. Н., Алексеева Я. В., Дударева А. А. Лексикографическое описание слова *адвокат* в «Словаре языка М. Е. Салтыкова-Щедрина»: Предварительные замечания к зоне комментария и примечаний // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 162–166.
18. Кононова Н. Н. Некрасивая смерть (ключевые слова, связанные с концептом «болезнь», в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича») // Стратегии исследования языковых единиц: сб. статей. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. С. 162–165.
19. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 : А–Й. М. : Рус. яз., 1985. 703 с.
20. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 : К–О. М. : Рус. яз., 1999. 736 с.
21. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4 : С–Я. М. : Рус. яз., 1988. 800 с.
22. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. Т. 1 : А–Н / под. ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель : АСТ, 2003. 680 с.
23. Толкачева Н. Н. Языковая репрезентация концепта «болезнь» на материале повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. 2015. № 9.1(69). С. 301–312.

**SPHERE OF CONCEPTS “DISEASE” IN THE WORKS
OF F. M. DOSTOEVSKY**

V. M. Mirzoeva, N. N. Tolkacheva

Tver State Medical University
the Department of Russian Language

The subject of this article is a lexical-semantic analysis of the concept of “disease” in the works of F. M. Dostoevsky. The article defines the lexical meaning of the word and

its contextual associative links; it describes the specifics of the author's interpretation of lexical items presented in the aspect of ideological and artistic intent of the writer.

Keywords: *literary works of F. M. Dostoyevsky, sphere of concepts "disease", Russian verbal picture of the world, lexical meaning of the word, frequency of the word.*

Об авторах:

МИРЗОЕВА Валентина Михайловна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

ТОЛКАЧЕВА Наталья Николаевна – ассистент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: goldnatali13@gmail.com.

About authors:

MIRZOEVA Valentina Mikhailovna – Candidate of Philology, Head of the Russian Language Department, Tver State Medical University (170100, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

TOLKACHEVA Natalya Nikolaevna – Assistant Professor of Russian Language Department, Tver State Medical University (170100, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: goldnatali13@gmail.com.